

Выдержки изъ писемъ, писанныхъ въ 1812 г. изъ Великой Арміи Наполеона, изъ Роеіи во Францію, и не дошедшихъ по назначенію, какъ задержанныя Чернымъ Кабинетомъ Наполеона или почтой въ Гамбургъ.

(Извлечено изъ Архива Мин. Иностр. Дѣлъ въ Парижѣ Denis Roche. Переводъ Н. Тр.).

исьма эти содержали много важныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ офицерами своимъ женамъ и близкимъ, но изъ опасенія, что они произведутъ невыгодное впечатлѣніе во Франціи, ихъ задерживали.

Нижеслѣдующія выдержки изъ этой пачки недоставленныхъ писемъ будутъ какъ бы иллюстраціей состоянія умовъ офицеровъ Наполеона, въ общемъ, конечно, достаточно уже выясненнаго.

Вотъ, что писалъ, изъ Динабурга, 19-го сентября 1812 г. инженерный офицеръ Маріонъ (Marion) баталіонному командиру Тибо (Thiebault) въ штабъ генерала Сюше, въ Испаніи.

„Я имѣю честь состоять здѣсь, командовать инженерной частью въ 10-мъ корпусѣ, но не имѣю у себя подъ командой ни одного француза, кромѣ капитана Біэнкура (Biencour). Всѣ прочіе пруссаки или поляки. Наша большая, наша великая армія настоящее столпотвореніе Вавилонское, по смѣшенію языковъ. По счастью, у насъ есть архитекторъ, который все отлично ведетъ. Русскіе познакомились съ нимъ подъ Можайскомъ“.

Изъ Виллатофйки (?) около Полоцка отъ 7-го окт. 1812 г. одинъ артиллеристъ пишетъ полковнику Бертону (Berthon) тоже артиллеристу:

„Болѣзни уносятъ у насъ очень много народу. Увѣряю Васъ, что еще никогда у насъ не было такой тяжелой войны, какъ настоящая“.

Несмотря на нѣсколько ранъ, полученныхъ Рапомъ (Rapp) до вступленія въ Москву, онъ сохраняетъ свое хорошее расположеніе духа:

„Сегодня (7-е октября 1812 г.) ровно мѣсяць, пишетъ онъ, что Императоръ выигралъ самое блестящее, но и самое ужасное сраженіе изъ всѣхъ битвъ, бывшихъ со времени революціи. Когда генераль Компанъ (Compan) былъ раненъ, Императоръ далъ мнѣ его чудную дивизію; но я, въ свою очередь, былъ 4 раза раненъ въ полчаса времени. Первый разъ—пистолетной пулей на излѣтъ, въ руку; второй разъ—пистолетнымъ выстрѣломъ въ бедро; третій разъ въ лѣвую руку ядромъ, и напоследокъ картечной пулей въ лѣвое бедро. Этотъ ударъ вышибъ меня изъ сѣдла и заставилъ выйти изъ дѣла. По счастью, у меня ничего не сломано, и я уже почти поправился. Всѣ увѣряютъ, что мнѣ не бывать смерти на войнѣ“.

Шесть дней спустя,—13-го октября,—офицеръ Салха (C. Saalhat) пишетъ изъ Москвы великой герцогинѣ Тосканской, во Флоренцію:

„Погода, несмотря на холодъ, хорошая. Въ Москвѣ осталось очень немного жителей, такъ что мы составляемъ здѣсь настоящую колонію... Въ общемъ, живется недурно. Послѣ большого пожара, ни одинъ домъ не сгорѣлъ; грабежъ прекращенъ; все приведено въ порядокъ... Мы идемъ на непріятели; если онъ дождется насъ, все забудется.—P. S. Въ эту самую минуту, въ первый разъ пошелъ снѣгъ!“.

Этотъ первый снѣгъ не очень-то смущаетъ великую армію, судя по слѣдующему письму Луи (Lui) къ адмиралу Гантому (Gantheaume) въ Парижъ (16-го октября).

„Во всякомъ случаѣ намъ нельзя здѣсь зазимовать; средства наши не позволяютъ намъ этого. Пожаръ, уничтожившій пять шестыхъ города, лишилъ насъ большей части тѣхъ средствъ, на которыя мы рассчитывали. Особенно озабочены кавалеріей, замѣтно уже уменьшившейся. Духъ въ арміи наилучшій. Русскіе не примутъ новаго сраженія, и если мы будемъ ихъ преслѣдовать, они, вѣроятно, очистятъ занимаемую ими мѣстность. Гвардія въ полной сохранности и великолѣпна“.

Письмо барона Жюльеминето къ женѣ (Juillemineto) отъ того же числа не такое уже бодрое:

„Настоящая война уноситъ у насъ больше всего людей не непріятельскимъ огнемъ, а болязнями, лишеніями и усталостью. Только желѣзное здоровье можетъ выдерживать все это! Мы не замедлимъ оставить Москву. Войска проходятъ: полагаютъ, что они идутъ на Калугу, Тулу и Малороссію. О туркахъ нѣтъ больше

и рѣчи. Эти отчаянные казаки наносятъ очень много вреда нашему тылу и нашимъ фуражировкамъ“.

Груши (Grouchy), все отъ того же числа, говоритъ своей женѣ о мирѣ:

„Будемъ надѣяться, что или состояніе моего здоровья заставитъ меня вернуться къ Вамъ, или же я снова избѣгну гибельныхъ случайностей войны. Завтра или послѣзавтра ждутъ возвращенія кн. Волконскаго, который повезъ Государю предложенія, сдѣланныя Лористонемъ... Дай намъ Богъ отбросить подальше русскихъ, имѣть гдѣ прокормить армію и заключить миръ, который такъ же всѣми желаемъ, какъ и необходимъ“.

Генераль баронъ Грессо (Gressot) (?) изъ Skiszen желаетъ знать что творится:

„Мы здѣсь съ великимъ нетерпѣніемъ ждемъ вѣстей изъ Москвы. У насъ нѣтъ ни газетъ, ни извѣстій. Интересно бы также знать, что творится въ Испаніи. А Вы что подѣлываете во Франціи?“.

Барагюе д'Илье (Barraguay d'Hillies), призванный 8 іюля къ командованію одной дивизіей, точно предчувствуетъ своимъ пессимизмомъ ужасный для него день 9-го ноября¹⁾, и даже свою смерть, въ томъ же году въ Берлинѣ отъ болѣзни и отъ огорченія, вслѣдствіе суда, которому его предали. Вотъ, что онъ пишетъ 31 октября своей женѣ, изъ Ельни:

„Всѣ эти переходы, въ погоню за главной русской арміей безъ возможности догнать ее, только истощаютъ войско. Не сдѣлавши еще ни одного выстрѣла, солдаты наши приходятъ легко въ страхъ передъ казаками, которые ведутъ войну на манеръ мамелюковъ: окружаютъ войско, испуская дикіе крики. Я надѣюсь, впрочемъ, соединиться скоро съ 1-мъ корпусомъ Императора и, слѣдовательно, избавиться отъ этого скучнаго командованія, которое не можетъ стать ни полезнымъ, ни почетнымъ. Я принялъ его безропотно.

Мало вѣроятій на близкій миръ; вторая кампанія неизбѣжна, такъ какъ русская армія, несмотря на свои потери, очень еще сильна.

Всѣ солдаты, до одинаго, жаждутъ конца этой войны, а офицеры еще того болѣе; такъ что если Императоръ захочетъ исполнить горячія желанія своей арміи, онъ велитъ закрыть двери храма Януса; но, зная, какъ онъ упрямо держится своихъ плановъ, я не могу ожидать, что онъ внемлетъ голосу своей арміи. Я очень стѣсненъ въ деньгахъ. Онъ даетъ мнѣ трехмѣсячное содержаніе, воз-

¹ День, въ который онъ попалъ къ намъ въ плѣнъ со всей своей дивизіей. (Примѣчаніе переводчика).

мѣщеніе путевыхъ расходовъ; но наличными деньгами у меня ни гроша! А, между тѣмъ, онѣ такъ бы мнѣ нужны, чтобы пополнить убыль въ моей конюшнѣ“.

Пять дней спустя, и четыре дня передъ его несчастнымъ плененіемъ, есть еще его письмо, отъ 4-го ноября 1812, изъ Ельни же. Письмо это очень интересно, полно прозорливости, а конецъ его производитъ тяжелое впечатлѣніе:

„Мнѣ пришлось сражаться ежедневно; по счастью, я не потерпѣлъ урона. On ne m'a pas entame, но я не стану ждать подхода русской арміи, которая, несомнѣнно, будетъ здѣсь черезъ нѣсколько дней. Не съ моими же новобранцами мнѣ отличиться! Я тогда только и почувствую себя счастливымъ, когда съ меня снимутъ эту тяжелую, вѣренную мнѣ обузу. Испытанному въ бояхъ ветерану ¹⁾ нужны и солдаты соотвѣтствующіе ему. Ничто не указываетъ на скорый миръ. Русскіе дѣйствовали отлично, и Императоръ поспѣшаетъ, чтобъ спасти свой тылъ и запасы, которые, какъ говорятъ, въ большой опасности... Сами русскіе удивлены настоящей побѣдой“.

„Жизнь наша, какъ передового войска: спимъ на соломѣ, за два часа до разсвѣта, уже на ногахъ, частенько не слѣзаемъ съ лошади по 16 ч. къ ряду, сапогъ никогда не снимаемъ, по ночамъ насъ то и дѣло будятъ; питаемся скверно: безъ вина, все на черномъ ржаномъ хлѣбѣ, и пьемъ отвратительную воду. Много нужно силъ, чтобы выносить все это. Меня и не удивляетъ, что въ арміи столько болѣзней. Нашъ образъ жизни и здѣшній климатъ враги посильнѣе русскихъ.“

„Если бъ Вы только знали, какъ часто я о Васѣ думаю, какъ тоскую по Васѣ и какъ стремлюся къ Вамъ!.. А между тѣмъ, для Васѣ, для Васѣ одной я принесъ въ жертву мои склонности, мое спокойствіе, мое счастье и здоровье: вѣдь если бъ не Вы, я давно бы оставилъ службу, довольный, совершенно довольный моими скромными средствами. Конечно, я не упрекаю Васѣ въ этомъ, такъ какъ считаю своимъ долгомъ приносить Вамъ всѣ жертвы; въ минуты, когда я дѣлаюсь ко всему равнодушнымъ и мною одолеваетъ тоска и недовольство, меня поддерживаетъ сознаніе, что я могу жертвовать для Васѣ всѣмъ. Но всему бываетъ конецъ, и я думаю достигнуть его послѣ настоящей кампаніи“.

Этимъ письмомъ заканчивается связка писемъ, захваченныхъ почтой въ Гамбургѣ изъ Россіи во Францію. Но въ ней есть еще

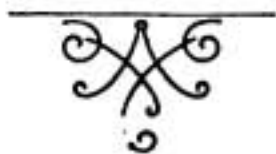
¹⁾ Барагуэ д'Иллъе въ это время было всего 52 г. (Примѣчаніе переводчика).

одно письмо, недопущенное изъ Франціи въ Россію, которое мы тоже приведемъ. Оно напомнитъ о затрудненіяхъ, поджидавшихъ Наполеона во Франціи. Писала его королева голландская Гортензія, мать будущаго Наполеона III къ брату своему вице-королю Италіи, Евгенію Богарне. Письмо отъ 13 ноября 1812 г. изъ Saint Leu.

„Очень ужъ давно я ничего о тебѣ не знаю... Въ настоящее время, Вамъ вѣрно уже извѣстно объ нашей парижской авантюрѣ ¹⁾).

„Всѣхъ очень тревожить, какъ къ ней отнесется Императоръ. Какъ ни смѣются надъ полиціей, а все же ею очень заняты; и думаютъ, что Императоръ не пожертвуетъ людьми, столь ему преданными... Разные толки дали поводъ очень многимъ, считать, что Императоръ, можетъ, уже умеръ. Всѣ о немъ справляются и, не придавая вѣры всѣмъ этимъ толкамъ, боятся однако за тѣхъ, кто вдали отъ всякихъ извѣстій. Я повторяю сказанное мнѣ Императрицей, которой Императоръ писалъ, что надѣется скоро ее увидѣть. Если это будетъ здѣсь, мы всѣ будемъ счастливы этимъ, но если онъ вызоветъ ее въ Варшаву, мы проведемъ очень скучно зиму. Мнѣ будетъ очень пріятно, если ты найдешь случай засвидѣтельствовать Императору мое почтеніе“.

В. Н. Трескина.

¹⁾ Заговоръ генерала Мале (Malet) (Примѣч. переводчика).